

Российская трансформация: к проблеме выбора модели развития

Описывая происходящие в российском обществе на протяжении последних 10—15 лет перемены, еще раз убеждаешься в том, что их трактовка как "трансформации", трансформационных сдвигов позволяет достаточно адекватно оценивать итоги нынешнего этапа развития и саму динамику происходящих процессов.

На какую модель развития ориентированы трансформационные процессы? В какой мере заимствование опыта экономоцентричной цивилизации Запада, в поле которой позиционирует себя Россия начиная с петровских времен, может обеспечить оптимизацию возможностей развития той части общества, которая не относится к его динамичным элитным группам? Ведь переходные процессы уже сегодня выявляют разнонаправленные векторы социальной и культурной динамики, делящие россиян на "включенных" и "исключенных" из глобального информационного поля.

Действительно, страна быстрыми темпами превращается в "открытое общество", что приводит к неясному соотношению его издержек и приобретений. Как отмечал Г.Г. Дилигенский в одной из своих последних работ, "сегодняшняя Россия — это во многом общество раннего модерна, имеющее проблемы начала XIX в., но существующее в рамках постмодерна"¹. Преодоление этих временных разрывов до сих пор осуществлялось в отечественной истории средствами принудительной мобилизации ресурсов для развития. Сегодня широко бытует точка зрения, что основная причина краха советской системы — это истощение культурных, идеологических, человеческих ресурсов поддержания режима мобилизационного общества². Эту модель отличает, как известно, недостаточность необходимых для развития ресурсов в условиях, когда степень зрелости внутренних факторов или субъектов развития оказывается недостаточной для решения встающих перед обществом задач.

¹ Дилигенский Г. Г. Была некая историческая критическая точка // Россия в условиях трансформации. М., 2000. Вып. 5. С. 98.

² См., например: Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М., 2002. С. 143; О мобилизационной модели развития см.: Галкин А.А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18.

В отсутствие механизмов контроля со стороны общественных структур задачи мобилизации ресурсов для развития решаются государством путем применения различных методов принуждения.

Содержание процессов российской трансформации на рубеже XX и XXI в. можно определить как переход к инновационной модели развития. Такая модель предполагает постоянную оптимизацию возможностей (как процесс) и наличие ресурсного обеспечения, позволяющего соразмерять цели развития с интересами значимых его участников. В числе важнейших таких ресурсов — готовность основных социальных субъектов к согласованию интересов в целях развития. Восприятие консенсусных ориентаций как неотъемлемого элемента политической культуры формирует субъективный контекст инновационных процессов. Речь идет о признании в качестве общественно значимой нормы прав другого — индивида, группы, социального и политического субъекта — на утверждение собственной идентичности и о разработке моделей взаимодействия в режиме диалога для достижения целей развития.

Однако пространство взаимодействия субъектов трансформационных процессов имеет достаточно определенные пределы, заданные столкновением интересов. Артикулирующие такие интересы группы находятся в неравноправном положении относительно возможностей влияния на процессы принятия решений. Нам уже не раз приходилось писать о различных уровнях артикуляции интересов элитных и неэлитных групп и об особенностях самоорганизации групп "социальных" интересов в трансформирующихся системах¹. Невысокая ценность консенсусных ориентаций в обществе ограничивает и выбор средств, которые неэлитные группы рассматривают как эффективные инструменты трансляции своих ожиданий во власть, а также взаимодействия друг с другом.

Характер трансформации ценностей в интересы предопределяется особенностями российской политической культуры. Например, в российских условиях такая трансформация не несет сколько-нибудь заметной идейно-политической нагрузки. Она предопределяет раскол общества по степени адаптации к переменам на социальный слой, сумевший воспользоваться возможностями перехода к рыночной экономике, и остальную часть общества, для которой государство остается важнейшим источником жизнеобеспечения. Причем если на первом этапе трансформации в числе важнейших адаптационных механизмов оказывались непосредственная близость к собственности, индивидуальные инновационные стратегии и психологическая готовность радикально изменить свой жизненный выбор, то в последующие годы приоритетным трампли-

¹ См.: *Семенов И.С.* Группы интересов на Западе и в России: Концепции и практика. М., 2001; *Перезудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и российское государство. М., 1998.

ном в новую экономику становятся образование, система переподготовки, овладение второй и третьей профессией.

Под воздействием глобальных процессов продолжается размежевание российского социума на общности, в разной степени интегрированные в глобальный миропорядок. Это, во-первых, элитная группа "включенных" из числа представителей верхушки бизнеса и обслуживающих ее интересы. Представители этой группы ориентированы на взаимодействие с себе подобными в рамках глобальных сетей обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Вторую группу формируют активные пользователи глобальной сети и других возможностей информационного пространства, повышающие за счет подключения к структурам "сетевое мира" свою профессиональную компетентность, благосостояние и статусные позиции. Третью, самую многочисленную, группу образуют пассивные потребители глобального информационного и масс-культурного продукта. На обочине модернизационных процессов сосредоточен образующий периферию информационного общества слой социальных маргиналов, имеющих доступ только к самым примитивным моделям глобального потребления или вовсе отчужденных от них.

Первые две группы "включенных" имеют существенный инновационный потенциал. Но они пока малочисленны и привязаны к определенным географическим зонам, к корпоративным структурам и сетевым проектам с участием иностранных партнеров. В системе приоритетов представителей этих групп западные критерии рационального выбора и экономической эффективности становятся основой определения жизненных ориентаций и стилей. Однако могут ли эти группы, для которых включенность в глобальное пространство информации и коммуникаций является важнейшей идентификационной характеристикой, быть носителями инновационных стратегий для России? Тем более, что уже в процессе адаптации к инуюльтурной реальности инновационные ориентации, основанные на заимствовании готовых образцов, встраиваются в стратегию "догоняющей модернизации". Вместе с тем пока элитные группы, активно артикулирующие свои интересы, не сопрягают их с коллективным проектом модернизации, их инновационный потенциал остается ограниченным сугубо экономическими параметрами.

Механизмы ресурсного обеспечения инновационного развития, по определению, включают институты согласования интересов. Звенья системы функционального представительства в виде тех практик, которые сложились в современной России, играют в разработке таких стратегий маргинальную роль, будь то институты социального партнерства или институционализированные формы взаимодействия представителей различных групп интересов (крупного бизнеса, творческой элиты и т.п.) и власти. Маргинальная значимость консенсусных ориентаций в политической культуре со-

временного российского общества и соответствующий уровень толерантности в публичной сфере ставят проблему поиска иных механизмов согласования интересов иначе, чем в странах с устоявшимися политическими институтами и каналами социальной мобильности. Хотя сегодня, когда в условиях глобализации внутри самих мультикультурных обществ растет политическое наполнение этнокультурных сдвигов, задачи разработки адаптационных стратегий повсюду оказываются в центре политического дискурса. В трансформирующихся системах для обеспечения функционирования таких механизмов по-прежнему используются инструменты мобилизации административно-бюрократических и иных ресурсов, а не социальных стратегий и целевого планирования. Так осуществляется, например, мобилизация избирательной поддержки "партии власти" (с установкой довести число членов организаций регионального уровня до определенного процента от числа избирателей). Задача накопления ресурсов позитивной солидарности подменяется разработкой политических технологий.

Высокая социальная цена рыночных реформ в значительной мере обусловлена сложившимся уровнем консенсусных ориентаций и низкой оценкой их социальной значимости. Как показывают проведенные автором исследования московского политического режима, в столице существует стабильный запрос на социальное попечение со стороны значительной части населения, и этот запрос обращен к власти. Большинство избирателей принимает патерналистский стиль отношений, на основе которого формируется своеобразный социальный пакт. Он сочетает элементы торга (с экономическими группами интересов и через их посредничество) и патронажа (в отношении массовых социальных групп). Обмениваются не только и не столько конкретные формы поддержки, сколько ресурсы обеспечения стабильности. В процессе такого взаимодействия происходит социальная легитимизация местной власти, рекрутируется общественная поддержка, в том числе в пассивных формах. Инициативы противостояния власти (например, вокруг организации и качества среды обитания) гасятся неверием в эффективность формально легитимных институтов. Это неверие замешано на негативных, а подчас и фаталистских ожиданиях в отношении всеислия властных структур. Вместе с тем примеры результативной деятельности низовых форм самоорганизации свидетельствуют в пользу возможностей компромиссных решений спорных проблем. По такому сценарию развивалась, например, борьба жителей Патриарших прудов против создания "новодела" под видом реконструкции территории и реализации проекта памятника Михаилу Булгакову работы скульптора Рукавишников. Противостояние привело к корректировке проекта и к присвоению этой исторической территории Москвы статуса вновь открытого культурного памятника.

Российская гибридная модель трансформации сочетает, таким образом, элементы инновационных стратегий, ориентированных на включение России в глобальное информационное пространство, и мобилизационных, тактических решений, по-прежнему обеспечивающих каналы перераспределения ресурсов, будь то с помощью целевых программ или политических технологий. Такие решения принимаются политической элитой на уровне центра и регионов. В состав элиты практически не рекрутируются представители той социальной группы, жизненные стратегии которых ориентированы на экономические инновации в русле универсалистского западного опыта. В то же время социальный субъект инновационного развития в России пока не сформировался. Можно ли в таком случае избежать опасностей социального конструирования и осуществления технологического социального проекта, мифологизирующего западный универсализм?